

ЖЕРНОВА НЕБА

1

И вы, и Конфуций — это только сон, и то, что я называю вас сном, тоже сон. Речи эти кажутся загадочными, но, если после многих тысяч поколений в мире появится великий мудрец, понимающий их смысл, вся вечность времен покажется одним быстротечным днем!¹

Чжуан-цзы, глава II

Влекумая течениями, гонимая волнами, покорная неодолимому притяжению всей мощи океана, медуза покачивается в бездне приливных вод. Свет проходит сквозь нее, и тьма входит в нее. Ее влечет, гонит, тянет — с места на место, отсюда туда, ибо в морских глубинах нет иных направлений, кроме ближе и дальше, выше и ниже, — и медуза парит и качается; могучий пульс дневными и ночными ударами бьет во вздымающемся к Луне океане, и по ее телу проходит мелкая частая дрожь. Парящее, качающееся, дрожащее, это эфемерное, зыбкое существо защищено лишь яростью и силой моря, которому оно вручило свою жизнь, свой путь и свою волю.

Но тут встают упрямые континенты. Проплешины песчаных отмелей и скалистых утесов расталкивают воду и рвутся в воздух — страшный сухой космос, где яркий свет и переменчивость, где не на что опереться жизни. И вот, вот течения обманывают и волны предают: сломав свой вечный круг, бросаются шумной пеной на скалы и в воздух, ломаясь...

Что существу, рожденному движением вод, делать на сухом песке дня? Что каждое утро делать сознанию, просыпаясь?

Веки у него сгорели, так что закрыть глаза он не может, и свет проникает в мозг, обжигая. Повернуть голову не получается: его прижало бетонными обломками и торчащая из них арматура держит его голову в тисках. Когда все это исчезает, он снова в состоянии двигаться — и садится. Оказывается, он на бетонных ступенях; рядом с рукой растет одуванчик: пробился сквозь трещину в бетоне.

¹ Перевод В. Малявина. (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

Через некоторое время он поднимается, но его страшно мутит, и он понимает: лучевая болезнь. Дверь всего в двух футах от него: в надутом состоянии пневмокровать занимает полкомнаты. Он добирается до двери, открывает ее, выползает наружу и растягивается на линолеумном полу бесконечного коридора, который слегка вздымается и покачивается, и только где-то вдали, через несколько миль, мужской туалет. Он бредет туда, держась за стену, однако держаться не за что, и стена превращается в пол.

— Ничего, ничего.

Лицо коридорного охранника повисло над ним, как бумажный фонарик, — бледное, обрамленное седеющими волосами.

— Это из-за радиации, — сказал он, но Мэнни, кажется, не понял и только повторял: «Ничего».

Он опять оказался на кровати у себя в комнате.

— Перепил?

— Нет.

— Таблеток наелся?

— Тошнит.

— Что принимал?

— Не смог подобрать, — сказал он, имея в виду, что пытался запереть дверь, сквозь которую проникали сны, но ни один ключ не подошел к замку.

— Врач поднимается с пятнадцатого этажа, — сказал Мэнни, и голос его был еле слышен за ревом прибоя.

Тело свело судорогой, он задышался. Рядом на кровати сидел незнакомый человек со шприцем в руке и глядел на него.

— Ну вот, — сказал незнакомец, — приходит в себя. Хреново тебе? Ничего, в твоём положении и должно быть хреново. Закинулся всем этим сразу? — Он показал на семь пластиковых конвертиков из автоматической аптеки. — Неудачная смесь: барбитураты и декседрин. Чего добивался?

Дышать было тяжело, но тошнота отступила, осталась только дикая слабость.

— Все датированы этой неделей, — продолжал медик, молодой человек с собранными в хвост коричневыми волосами и плохими зубами, — значит брал не на свою аптечную карту. Придется сообщить. Самому не хочется, но меня вызвали, так что других вариантов нет. Да ты не бойся: такие таблетки не уголовщина — просто придет повестка в полицию, пошлют на обследование на медицинский факультет или в районную клинику и оттуда уже отправят или к вра-

чу, или психологу на ДТЛ — добровольное терапевтическое лечение. Я уже заполнил заявку, ввел твои паспортные данные. Уточни только, сколько времени принимаешь эти лекарства в объеме, превышающем личную квоту?

— Пару месяцев.

Врач, положив бумагу на коленку, сделал пометку.

— У кого брал аптечные карты?

— У друзей.

— Как их зовут?

Помолчав, медик добавил:

— Ну хотя бы одно имя. Чистая формальность. Ничего им не будет. Получат выговор из полиции, а контролеры ЗОС год будут присматривать за их картами. Просто формальность. Одно имя.

— Не могу. Они пытались мне помочь.

— Слушай, если не назовешь имен — это сопротивление. За это или арест, или запихнут в психушку на принудительное лечение. Они все равно, если захотят, могут отследить карты по аптечным записям, просто так быстрее. Давай, хоть одно имя.

От непереносимого света он закрыл лицо руками и сказал:

— Нет, не могу. Мне нужна помощь.

— Да у меня он карту взял, — вмешался охранник. — Ага, Мэнни Аренс, 247-602-6023.

Медик заскрипел авторучкой.

— Не брал я твою карту.

— Ничего, пускай почешут репу. Все равно не будут проверять. Все постоянно берут карты друг у друга, не уследишь. Я то свою кому-то даю, то беру у приятеля. Выговоров этих накопилась куча. Они не в курсе. Я такие вещи пробовал, о которых в ЗОС и не слышали. Ты просто по первости, Джордж. Ничего, не переживай.

— Я не могу. — Он имел в виду, что не может позволить Мэнни лгать ради него, не может помешать ему лгать ради него, не может не переживать, не может так жить дальше.

— Часа через два-три станет получше, — сказал врач, — но сегодня на улицу лучше не надо. Центр все равно стоит. Машинисты ПЖДС опять пытаются бастовать, нацгвардейцы пытаются сами водить поезда в подземке, и в новостях говорят, что там полный бардак. Так что лежи и не дергайся, а я пошел. Придется пешком. Черт побери, десять минут топать до этого муниципального клоповника на Макадам.

Он встал, и кровать подпрыгнула.

— Представляете, в одном этом комплексе двести шестьдесят детей с квашиоркором! Все из семей малоимущих или тех, что на базовой помощи. Белка не хватает — вот и болеют. А я что могу сделать? Уже пять запросов послал на минимальный белковый рацион, но ни хрена — одна бюрократия и отговорки. Говорят, на базовой помощи денег на еду должно хватать. Ага, конечно, а если ее не купишь? Пошло оно все. Приходится выписывать аскорбинку и делать вид, что недоедание — это просто цинга...

Дверь захлопнулась. Кровать качнуло: это Мэнни сел на место доктора. Слегка потянуло чем-то сладковатым, словно свежескошенной травой. Откуда-то из-за темноты закрытых глаз, из-за клубящегося тумана донесся его голос:

— А хорошо все-таки быть живым!

2

Небесные Врата — это отсутствие чего бы то ни было¹.

Чжуан-цзы, глава XXIII

Из кабинета доктора Уильяма Хейбера не открывался вид на гору Худ. Врач занимал недорогое помещение на внутреннем периметре шестьдесят третьего этажа Уилламеттской восточной башни, откуда вид не открывался ни на что. Но на одной из глухих стен красовалось крупное фотографическое изображение горы Худ, на которое доктор Хейбер смотрел, разговаривая по внутренней связи со своей помощницей в приемной.

— А кто этот Орт, Пенни? Истерик с симптомами проказы?

Она сидела от него всего в метре через перегородку, но аппарат интеркома, как и диплом в рамке на стене, вселяет во врача — и в пациента — дополнительную уверенность. Да и потом, не пристало психиатру открывать дверь и кричать: «Следующий!»

— Нет. Тот мистер Грин, завтра в десять. А это от доктора Уолтерса с медицинского факультета. На ДТЛ.

— А, наркоман. Нашел его дело. Хорошо, как поднимется — зови.

Еще не договорив, он услышал, как с подвыванием добрался до этажа и остановился лифт, лязгнули двери, затем шаги, легкая заминка и скрип внешней двери. Поскольку он теперь прислушивался, до его сознания из помещений по всему коридору, а также с этажей под ним и над ним начал доходить стук дверей, стрекот пишущих машинок, гул голосов, шум воды, смываемой в унитазы. Трудность была как раз в том, чтобы научиться все это не слышать. Надежные перегородки остались только в голове.

Пока Пенни оформляла нового пациента, доктор Хейбер опять уставился на фотографию и задумался, когда же ее сделали. Голубое небо, снег от подножия до вершины. Наверное, много лет назад, в шестидесятых или семидесятых. Парниковый эффект проявлялся постепенно, и Хейбер, родившийся в 1962-м, хорошо помнил, что

¹ Перевод В. Малявина.

в детстве было голубое небо. Но сегодня вечные снега сошли со всех горных вершин, даже с Эвереста, даже с огнедышащего Эребуса на пустынном антарктическом побережье. Хотя, конечно, могли взять современную фотографию и подрисовать голубое небо и белую вершину — не догадаешься.

— Добрый день, мистер Опп! — Он с улыбкой поднялся с кресла, но руки не подал: многие пациенты перед телесным контактом нынче испытывают ужас.

Пациент неловко убрал уже протянутую было руку, потербил цепочку на шее и сказал:

— Здравствуйте.

Цепочка обычная, длинная, из посеребренной стали; одет как все, стандарт конторского служащего; стрижка консервативная, по плечи, борода короткая; светлые волосы и глаза, невысокий, худой, белокожий, легкое недоедание, но здоров; на вид от двадцати восьми до тридцати двух. Неагрессивный, невзрачный, пассивный, пришибленный, заурядный. Самый ценный период отношений с клиентом, любил повторять Хейбер, — первые десять секунд.

— Присаживайтесь, мистер Опп. Вот так. Курите? С коричневым фильтром «Транк», с белым — «Деник».

Опп не курил.

— Так, что тут у нас? ЗОС хочет разобраться, зачем вы по чужим аптечным картам брали в автоматической аптеке стимуляторы и снотворное сверх личной квоты, верно? Они вас послали к ребятам на холме, те порекомендовали добровольное терапевтическое лечение и отправили ко мне. Все так?

Он слышал свои интонации — свойские, доверительные, точно подобранные для создания непринужденной атмосферы, но этому посетителю до непринужденности было далеко. Он часто моргал, сидел в неудобной позе, руки сложил будто на официальном приеме — классическая картина подавленной тревоги. Кивал так, будто одновременно сглатывал.

— Ясенько, ничего такого. Если бы набирали колеса для продажи наркоманам или хотели кого-нибудь отравить — другое дело, загремели бы. Но вы для личного пользования. Так что все наказание — несколько встреч со мной! Правда, я, конечно, хочу понять, зачем вам эти таблетки понадобились. Попробуем вместе придумать какой-то приемлемый режим: во-первых, чтобы вы за пределы квоты не выходили, а во-вторых, может, и от зависимости избавитесь. Так, вы у нас, — он заглянул в папку, присланную с медицинского

факультета, — пару недель принимали барбитураты, потом на несколько дней переключались на дексамфетамин, а потом опять на барбитураты. С чего все началось? Бессонница?

— Сплю я хорошо.

— Но видите кошмары.

Щуплый пациент вскинул глаза — проблеск явного ужаса. С ним больших трудностей не предвидится: открытая книга.

— Вроде того, — хрипло ответил он.

— Догадаться было нетрудно, мистер Орр. Мне обычно посылают сновидцев. — Он усмехнулся. — Я специалист по снам. Правда-правда — онейролог. Занимаюсь сном и сновидениями. Так, давайте дальше попробую угадать: чтобы избавиться от снов, вы попробовали фенобарбитал, но оказалось, что по мере привыкания эффект ослабевает, а потом и вовсе пропадает. То же самое с декседрином. В итоге вы начали принимать то одно, то другое, верно?

Пациент сдержанно кивнул.

— Почему декседрин каждый раз принимали недолго?

— От него я дергаться начинал.

— Еще бы. А последняя доза, когда вы всего намешали, была вообще... Сама по себе, правда, не опасная. Но в принципе, мистер Орр, вы делали опасную вещь... — Он помедлил для пушщего эффекта. — Вы лишали себя снов.

Пациент снова кивнул.

— Вы разве лишаете себя пищи и воды, мистер Орр? А без воздуха обойтись не пробовали?

Хейбер по-прежнему говорил с шутливой интонацией, и пациент грустно усмехнулся.

— Вам известно, что сон человеку нужен не меньше, чем еда, вода и воздух. А вот знаете ли вы, что просто спать недостаточно, что организм требует положенную долю сновидений? Если мозг постоянно лишать сновидений, он начнет выделять с вами разные фокусы. Вы станете раздражительным, будете испытывать чувство голода, не сможете сосредоточиться — было такое? И дело не только в декседрине! Начнете грезить наяву, реакция замедлится, пойдут провалы в памяти, снизится чувство ответственности, появятся параноидальные фантазии. В конце концов мозг заставит вас видеть сны — не мытьем, так катаньем. Ни одно лекарство не может избавить человека от снов — разве что убьет его. Например, у хронических алкоголиков иногда развивается понтинный миелинолиз — смертельно опасный синдром, причиной которого служит поражение

в задней части мозга, а его, в свою очередь, вызывает нехватка сновидений. Не сна как такового, заметьте, а именно того особого состояния, когда мы видим сны. Это так называемая фаза быстрого сна, быстрого движения глаз, БДГ. Вы не алкоголик, вы живы, стало быть, эти таблетки, которыми вы пытались подавить сны, сработали только отчасти. В результате вы: (а) плохо себя чувствуете из-за нехватки снов и (бэ) все равно зашли в тупик. Так, а почему вообще вы направились в этот тупик? Боялись снов. Видимо, кошмаров или того, что вам казалось кошмаром. Не расскажете поподробнее?

Орр замялся.

Хейбер открыл было рот, но промолчал. Очень часто и не требовалось слышать, что скажут пациенты: он мог сказать все за них, даже лучше. Но смысл был в том, чтобы они сами сделали шаг навстречу. В конце концов, сейчас у них шел только предварительный разговор, некий ритуал, оставшийся от золотых дней психоанализа. Суть его только в том, чтобы разобраться, как действовать с конкретным пациентом, давать положительное или отрицательное подкрепление, куда двигаться.

— Кошмары мне снятся не больше, чем другим, наверное, — проговорил Орр, уставившись на свои руки. — Ничего особенного. Просто... я боюсь видеть сны.

— Плохие сны.

— Любые сны.

— Ясно. Не помните, откуда взялся этот страх? Чего вы боитесь? Чтобы не случилось что?

Орр не ответил сразу, а продолжал разглядывать свои руки, квадратные, красноватые, замершие на коленях, и Хейбер попробовал немного подсказать:

— Может, вас беспокоит иррациональность снов? Абсурд, даже аморальность иногда?

— Да, отчасти. Но есть конкретная причина. Видите ли... я...

Вот оно, подумал Хейбер, тоже разглядывая эти напряженные руки, — самое главное, разгадка. Бедняга. У него поллюции. И комплекс вины из-за них. Детский энурез, мать-невротичка...

— Вы не поверите.

У этого куренка все серьезнее, чем казалось на первый взгляд.

— Человеку, который во сне и наяву занимается сновидениями, не так уж важно, верить или не верить, мистер Орр. Я в таких категориях не рассуждаю. Они к делу не относятся. Так что не думайте об этом и продолжайте. Мне интересно.

Не слишком ли снисходительно? Он посмотрел на Орра: может, тот его как-то превратно понял? И на мгновение поймал его взгляд. Поразительно красивые глаза, подумал Хейбер, и сам себе удивился: в категориях красоты он тоже обычно не рассуждал. Не то голубые, не то серые, очень ясные, будто прозрачные. Хейбер даже забылся и загляделся на эти ускользающие прозрачные глаза, но только на короткое мгновение, так что странность этого эпизода в его сознании почти не зафиксировалась.

— У меня, — решился наконец Орд, — бывали сны, которые... которые влияли... на мир за пределами сна. На реальный мир.

— У всех бывали, мистер Орд.

Пациент вытаращился на него. Нормальный, простой обыватель.

— Воздействие снов в фазе БДГ перед пробуждением на общее эмоциональное состояние, на внутренний мир может...

Но обыватель перебил его.

— Я не об этом, — и, слегка заикаясь, продолжил: — У меня бывало, что что-то снится, а потом сбывается.

— Охотно верю, мистер Орд. Я совершенно серьезно. Только после научной революции появились люди, которые не то что перестали верить, но взглянули на этот вопрос критически. Вещие...

— Это не вещие сны. Я ничего не предвижу. Я просто меняю мир.

Пальцы крепко сцеплены. Ясно, почему светила с медфакультета отправили этого чудика сюда. Как орешек не по зубам — вечно присылают Хейберу.

— Можете привести пример? Например, не помните, когда вам впервые приснился такой сон? Сколько вам было лет?

После долгой внутренней борьбы пациент проговорил:

— Шестнадцать вроде.

Он по-прежнему производил впечатление человека покорного; тема его сильно пугала, но по отношению к Хейберу не чувствовалось ни вражды, ни попыток уйти в глухую оборону.

— Не помню точно.

— Расскажите про первый случай, который помните хорошо.

— Мне было семнадцать. Я еще жил дома, и у нас гостила сестра матери. Она тогда разводилась, не работала, только получала базовую помощь. И все время как-то мешала. Мы жили в обычной «трешке», а она торчала дома. Мать дико бесилась. Нечуткая она была — я про тетю Этель. Вечно занимала ванную — у нас в той квартире еще была собственная ванная. И еще то и дело как бы в шутку ко мне подкатывала. Не совсем в шутку. Заходила ко мне в спальню

в пижаме без верха и все такое. Ей было всего лет тридцать. Я напрыгался, конечно. У меня еще не было девушки... Подростковый возраст... Пацана накрутить нетрудно. Я злился: все-таки тетка.

Он взглянул на Хейбера — проверить, понял ли врач, из-за чего он злился, и не осуждает ли. Навязчивая вседозволенность конца двадцатого века породила не меньше страхов и комплексов вины, связанных с половым вопросом, чем навязчивое целомудрие конца девятнадцатого. Орт боялся, что Хейбера шокирует его нежелание переспать со своей теткой. Но доктор по-прежнему слушал с вежливо-заинтересованной миной, и Орт собрался с силами и продолжил:

— У меня начались тревожные сны, и в них все время была тетя. Обычно не в своем настоящем виде, но в снах так бывает; однажды, например, я видел белую кошку, но знал, что это тетя Этель. В общем, как-то раз она вынудила меня пригласить ее в кино, там все домогалась, чтобы я ее потискал, а когда вернулись домой, долго крутилась у меня на кровати и намекала, что родители спят и все такое. Когда я наконец ее выпроводил и заснул, мне приснился сон. Очень яркий, с утра я помнил его во всех подробностях. Мне приснилось, что Этель разбилась на машине в Лос-Анджелесе и нам прислали телеграмму. Мама пыталась готовить ужин, но все время плакала, мне было ее жаль, я хотел помочь, но не знал как. Вот, собственно, и все... Но когда я встал и пошел в гостиную, тети Этель на диване не было. В квартире, кроме родителей и меня, никого. Ее не было. И вообще никогда у нас не было. Даже не пришлось спрашивать: я и сам помнил, я знал, что полтора месяца назад тетя Этель разбилась на шоссе в Лос-Анджелесе, когда ехала домой от адвоката, занимавшегося разводом. Нам сообщили телеграммой. Весь сон оказался неким воспоминанием о том, что произошло на самом деле. Но только ведь этого не произошло. То есть пока я не увидел сон. И притом я хорошо помнил, что она у нас жила и спала на диване в гостиной — до прошлой ночи.

— Но доказательств никаких не было?

— Нет, никаких. Никто не помнил, что она у нас гостила, кроме меня. А я был не прав. Оказывается.

Хейбер понимающе кивнул и погладил бороду. То, что поначалу казалось банальным злоупотреблением таблетками, начинало смахивать на серьезное помешательство, но пациенты еще никогда не излагали ему свои видения так логично и откровенно. Может, Орт шизофреник-интеллектуал? Пытается со всей шизоидной изобретательностью и коварством сбить его с толку, пустить по ложному сле-

ду? Но с другой стороны, в нем не чувствуется свойственный таким людям оттенок внутреннего высокомерия, которое Хейбер улавливал безошибочно.

— Почему, как вам кажется, ваша мать не заметила, что ночью мир изменился?

— Ну она-то не видела сон. То есть мой сон действительно изменил реальность. Он создал новую реальность начиная с прошлого и до того момента. И мать как бы всегда была в этой новой реальности. Она и не помнила ни о какой другой. В отличие от меня — я помнил обе, потому что... присутствовал... в момент изменения. Не знаю, как еще объяснить; понятно, что звучит бредово. Но нужно хоть какое-то объяснение, или придется признать, что я сошел с ума.

Да нет, этот парень не заурядный.

— Судить — дело не мое, мистер Орр. Мне факты нужны. А то, что происходит в сознании, уж вы поверьте, — это тоже факты. Когда какой-то человек спит, а вы видите его сны, записанные черным по белому на электроэнцефалограмме (со мной так было тысячи раз), назвать сон нереальным язык не поворачивается. Они существуют; это реальные события; они оставляют след. Ну хорошо, я так понимаю, были и другие сны, которые, по-вашему, приводили к похожим результатам?

— Были. Хотя далеко не сразу. И только в период сильного стресса. Но в последнее время мне кажется... что они участились. Я испугался.

Хейбер наклонился к пациенту:

— Почему?

Орр смотрел непонимающе.

— Почему испугались?

— Но я не хочу менять реальность! — ответил Орр, как будто констатируя очевиднейшую вещь. — Кто я такой, чтобы вмешиваться в мировые процессы? Причем все меняет мое подсознание, разумно управлять этим я не могу. Пробовал самогипноз — не помогает. Сны бессвязны, эгоистичны, иррациональны — аморальны, как вы сами сказали. Их порождает наша асоциальная часть — разве не так? Хотя бы отчасти? Я не хотел убивать несчастную тетю Этель. Просто хотел, чтобы она меня не доставала. А во сне часто выходит перебор. Сны любят срезать углы. Я ее убил. Подстроил автоаварию за тысячу миль от своего дома и за шесть недель до той ночи. Ответственность за ее смерть на мне.

Хейбер снова погладил бороду.

— Отсюда, — проговорил он задумчиво, — лекарства для подавления снов. Чтобы избавиться от груза ответственности.

— Да. Лекарства не позволяли снам нарастать и делаться яркими. На самом деле, — он задумался над формулировкой, — действительны не все, а только некоторые, самые насыщенные.

— Ясно. Так, поглядим. Вы не женаты, работаете чертежником в «Электросетях района Боннвилль—Юматилла». Как вам работа?

— Ничего.

— А как с личной жизнью?

— Был один пробный брак. Продержался пару лет. Прошлым летом разошлись.

— Кто дал задний ход — вы или она?

— Мы оба. Она не хотела ребенка. На полноценный брак это все не тянуло.

— А потом?

— Ну есть девочки на работе. Я, знаете... не то чтобы Казанова.

— А как вообще с межличностными отношениями? Вы нормально общаетесь с людьми? Есть у вас ниша в эмоциональной экосистеме вашего окружения?

— Наверное.

— Выходит, в целом с вашей жизнью все в порядке, так? Хорошо. Теперь такой вопрос: вы хотите — то есть на самом деле — избавиться от лекарственной зависимости?

— Да.

— Замечательно. Смотрите, вы принимали препараты, чтобы не видеть снов. Но не все сны опасны, только некоторые, особенно яркие. Вам приснилось, что тетя Этель — белая кошка, но утром она в кошку не превратилась, верно? То есть некоторые сны нормальные, безопасные.

Он сделал паузу, и Орт кивнул.

— Тогда такое предложение. Может, проверим вашу версию, а заодно постараемся понять, как видеть сны безопасно, без страха, а? Объясню. Для вас тема сновидений эмоционально крайне заряжена. Вы прямо-таки боитесь видеть сны, поскольку думаете, что они могут повлиять на действительность неконтролируемым образом. Возможно, это сложная метафора, при помощи которой ваше подсознание пытается сообщить вашему сознанию о действительности — вашей действительности, вашей жизни — что-то такое, что вы не готовы принять рационально. Но мы можем рассмотреть эту метафору бук-

важно; пока что нет необходимости сводить ее к рациональным аргументам. Ваша проблема сейчас в следующем: вы боитесь видеть сны, но вам без них не обойтись. Вы пытались задавить их лекарствами — не помогло. Хорошо, давайте зайдем с другой стороны. Специально устроим так, что вы будете видеть сны, причем яркие и насыщенные, прямо тут. Под моим наблюдением в контролируемых условиях. Чтобы вы почувствовали, что можете управлять тем, что, на ваш взгляд, вышло из-под контроля.

— Разве можно видеть сны по заказу? — спросил Орт, явно мучаясь.

— Во «Дворце снов доктора Хейбера» — конечно! Вас раньше гипнотизировали?

— У стоматолога.

— Хорошо. Так, объясняю. Я ввожу вас в гипнотический транс и говорю вам спать, видеть сны и что именно видеть в этих снах. На вас будет траншлем, чтобы сон был настоящий, а не просто гипнотранс. Пока вам будет что-то сниться, я буду наблюдать за вами — и так, и на ЭЭГ, от начала до конца. Потом я вас бужу, и мы обсуждаем. Если все пройдет благополучно, может, вас немного отпустит страх перед следующим сном.

— Но здесь у меня не будет действенного сна; такие бывают один раз на сотню или тысячу.

Защитные рационализации у Орты вполне логичны.

— В этом кабинете у вас может быть любой сон, какой захотите. Содержание и эмоциональное воздействие сна можно предопределить почти полностью, если объект мотивирован и с ним работает гипнотизер-профессионал. Я этим занимаюсь десять лет. И вы будете на связи со мной: на вас будет траншлем. Надевали когда-нибудь?

Орт покачал головой.

— Но знаете, что это такое?

— Он посылает сигнал через электроды, чтобы стимулировать... в общем, чтобы мозг делал, что скажут.

— Примерно так. Русские его уже лет пятьдесят применяют, израильтяне его доработали, а потом наконец подключились и мы и начали выпускать массово — для успокоения пациентов с психозом и для домашнего использования: чтобы вызывать сон или альфа-транс. Пару лет назад в Линн-тонской клинике я по программе ПТЛ работал с пациенткой, у которой была серьезная депрессия. Как и многие люди с депрессивным расстройством, она плохо спала, причем недополучала в основном быстрого сна, со сновидениями: как

только ей что-то начинало сниться, она обычно просыпалась. Закрытый круг: чем сильнее депрессия, тем меньше снов, чем меньше снов, тем сильнее депрессия. Надо круг разорвать. Как? Лекарства на сон с БДГ особо не влияют. ЭСМ, электронная стимуляция мозга? Но тогда надо вживлять электроды, причем глубоко, чтобы добраться до центров сна. Хотелось обойтись без операции. Я попробовал усыплять ее при помощи траншлема. Что, если сделать диффузный низкочастотный сигнал более специфическим? Нацелить его локально на конкретный участок мозга? Ну конечно, доктор Хейбер, чего проще! Но на самом деле, когда мы провели исследования и разобрались с электронной частью, на создание базового аппарата у меня ушла всего пара месяцев. Я начал с того, что простимулировал мозг пациентки записью мозговых волн здорового человека, сделанной в нужных мне состояниях — на разных этапах сна и сновидений. Результат нулевой. Оказалось, что сигнал конкретного чужого мозга необязательно вызывает у объекта отклик. Пришлось учиться обобщать, изготавливать из сотен записей нормальных мозговых волн что-то вроде среднего арифметического. Я продолжил работать с пациенткой, каждый раз эти усредненные записи уточнял, подгонял под ее случай. Когда ее мозг делал то, чего я добивался, я записывал этот стимул, усиливал его, расширял, удлинял, пригрывал по нескольку раз и в итоге заставлял мозг объекта следовать своим же здоровым импульсам, если можно так выразиться. Все эти вещи, само собой, потребовали огромного объема работы по анализу обратной связи, поэтому простенький электроэнцефалограф с траншлемом превратился в этот агрегат.

Он указал на электронные джунгли, топорщившиеся позади Ора. Большая часть оборудования была скрыта за пластмассовыми панелями, потому что многие пациенты либо пугались техники, либо слишком отождествляли себя с ней, но все равно электроника занимала не меньше четверти кабинета.

— Вот — «Машина сновидений», — ухмыльнулся он, — или, если более прозаично, «Усилитель». Его функция — сделать так, чтобы вы заснули и видели сны, причем настолько глубоко и долго, насколько нам надо. Кстати, эту пациентку летом выписали из клиники: полностью излечилась. — Он наклонился вперед. — Ну что, попробуем?

— Сейчас?

— А чего ждать?

— Но я не смогу заснуть в половине пятого дня... — Он понял, что сморозил глупость.

Порывшись в забитом бумагами ящике стола, Хейбер тем временем выудил бланк согласия на гипноз (требование ЗОС). Орр взял протянутую ему ручку, подписал и покорно положил бумагу на стол.

— Так, хорошо. Теперь скажите, Джордж, ваш стоматолог использует гипнопленку или он любитель все делать сам?

— Пленку. У меня по шкале восприимчивости три.

— Ровно посередине, так, что ли? Чтобы внушение содержания сна сработало как следует, требуется довольно глубокий транс. Нам, конечно, не нужны видения в трансе, нам нужен нормальный сон спящего человека, и «Усилитель» это обеспечит, но внушение должно дойти до приличной глубины. Чтобы несколько часов вас не мучить одной только подготовкой к глубокому трансу, воспользуемся ВК-индукцией. Сталкивались с ней?

Орр отрицательно мотнул головой. Вид у него был настороженный, но спорить он не решался. В его пассивности, готовности выполнять указания было что-то женское, даже детское. Хейбер поймал себя на том, что вид этого уступчивого, тщедушного человека вызывает в нем стремление одновременно и защищать его, и слегка третировать. Очень трудно было удержаться, чтобы не взять в разговоре с ним тон властный и снисходительный.

— Я ее применяю в большинстве случаев. Быстро, надежно, безопасно — намного лучше других методов гипноза, и меньше мороки для врача и пациента.

Наверняка Орр слышал страшилки о том, как из-за чрезмерной или неправильно проведенной ВК-индукции люди погибали или становились идиотами. К методам Хейбера это, разумеется, не относилось, но надо сразу развеять эти страхи, а то может отказаться от всей процедуры. Так что Хейбер продолжил свой бодрый монолог о том, как ВК-индукция применяется уже полвека, как вообще устроен гипноз, а потом снова о сне и сновидениях, чтобы отвлечь внимание Орра от процесса и сосредоточить его на цели.

— Наша задача в чем? Преодолеть пропасть между бодрствованием или гипнотическим трансом и фазой, когда появляются сновидения. У этой пропасти есть простое название — сон. Простой сон, медленный сон, сон без БДГ — называйте как хотите. Есть, грубо говоря, четыре интересующих нас состояния: бодрствование, транс, медленный сон и быстрый сон. С точки зрения мозговой деятельности у медленного сна, быстрого сна и гипноза есть нечто общее: простой сон, сновидения и транс высвобождают подсознание, первую сигнальную систему, тогда как в состоянии бодрствования мы

в основном полагаемся на вторую сигнальную систему — рациональное мышление. Но что интересно, если посмотреть на ЭЭГ: при быстром сне, трансе и бодрствовании картина во многом схожая, а при медленном сне — радикально иная. И напрямую из транса перевести человека в быстрый сон невозможно. Требуется медленная фаза. Обычно фаза быстрого сна наступает за ночь четыре-пять раз, примерно каждый час или два, и продолжается не более пятнадцати минут. Все остальное время человек проводит в той или иной разновидности медленного сна. При этом вы тоже видите сны, но, как правило, неяркие; мозговая деятельность в медленной фазе напоминает работу двигателя на холостом ходу — такой размеренный поток из невнятных образов и мыслей. А нам-то нужны яркие, эмоционально заряженные, запоминающиеся сны фазы БДГ. И мой гипноз при помощи «Усилителя» позволяет их получить, мы перенесемся через нейрофизиологическую и временную пропасть медленного сна прямо в быструю фазу. Так, давайте вы перейдете на кушетку. В моей области первопроходцами были Демент, Асеринский, Бергер, Освальд, Хартман и другие, но кушетка у нас еще от дедушки Фрейда... Правда, мы ее используем, чтобы спать, он был бы против. Давайте для начала вы присядете вот здесь, в ногах. Хорошо. Процесс небыстрый, так что устраивайтесь поудобнее. Вы говорили, что пробовали самогипноз, верно? Ну вот, попробуйте ту же технику. Глубокое дыхание, например. На вдохе считаете до десяти, потом задерживаете дыхание и считаете до пяти, да, отлично, все так. Вы бы не могли посмотреть прямо вверх на потолок?

Когда Орт послушно запрокинул голову, стоявший рядом Хейбер одним быстрым и бесшумным движением крепко нажал большим и указательным пальцами левой руки на точки за ушами пациента, а большим и указательным пальцами правой надавил на горло чуть пониже мягкой светлой бородки, на блуждающий нерв и сонную артерию.

Он успел почувствовать вялое сопротивление желтоватой кожи под пальцами, заметил первое движение удивленного протеста, но тут же прозрачные глаза стали закрываться, и Хейбер ощутил прилив удовлетворения своим мастерством, своим умением мгновенно подчинить пациента своей воле.

— Вы сейчас заснете, закройте глаза, засыпайте, не напрягайте мышцы, ни о чем не думайте, вы будете спать, ваше тело расслаблено, полный покой, вот так, ложитесь... — И под эту негромкую ско-

роговорку врача Орр упал навзничь на кушетку как подстреленный, уронив правую руку на пол.

Хейбер опустился рядом на колени, не убирая правой руки с сонных точек и продолжая быстро нашептывать суггестивные распоряжения:

— Вы в трансе, не спите, но в глубоком гипнотическом трансе, вы из него не выйдете и не проснетесь, пока я вам не скажу. Вы в трансе, погружаетесь в транс глубже и глубже, но вы слышите мой голос и можете выполнять мои указания. Теперь, когда я буду просто прикасаться к вашему горлу, как сейчас, вы мгновенно будете входить в гипнотический транс. — Хейбер повторил инструкции и продолжил: — Теперь, когда я вам скажу, вы откроете глаза и увидите, что перед вами в воздухе висит хрустальный шар. Я хочу, чтобы вы сосредоточили на нем свое внимание, при этом вы будете еще глубже погружаться в транс. Откройте глаза. Так, хорошо. Скажите, когда увидите шар.

Светлые глаза, которые теперь словно с любопытством присматривались к чему-то внутри себя, смотрели за спину Хейбера в пустоту.

— Вижу, — еле слышно прошептал гипнотизируемый.

— Хорошо. Смотрите на шар и дышите ровно. Скоро вы погрузитесь в очень глубокий транс...

Хейбер взглянул на часы. На все про все ушла пара минут. Отлично. Ему не нравилось тратить время на средства — главное было достичь цели. Пока Орр лежал, уставившись на воображаемый шар, Хейбер начал прилаживать ему на голову усовершенствованный траншлем. Он то надевал его, то снимал и снова передвигал крошечные электроды, по-новому размещая их под густыми русыми волосами. При этом негромким голосом он то и дело повторял указания и задавал незначачие вопросы, чтобы Орр пока не ушел в сон и оставался в контакте с гипнотизером. Когда шлем наконец-то был надет, Хейбер включил энцефалограф и для начала немного понаблюдал за кривыми: хотел получить представление об этом мозге.

Восемь из электродов траншлема были подключены к энцефалографу; внутри прибора восемь перьев записывали электрическую активность мозга. На мониторе, куда смотрел Хейбер, эти импульсы воспроизводились в виде белых кривых линий на темно-сером фоне. По желанию он мог их увеличивать, убирать с экрана, накладывая одну на другую. Следить за ЭЭГ ему не надоедало никогда, для него это было интереснее, чем «Полуночное кино» по Первому каналу.

Он предполагал, что увидит сигмовидные зигзаги, характерные для определенных психозидных расстройств, но их не было. Вообще, рисунок ЭЭГ был вполне нормальный, удивляло только его разнообразие. Простой мозг гоняет перья туда-сюда, вырисовывая довольно простой набор диаграмм, и затем просто их повторяет. Но это был не простой мозг. В нем шли процессы тонкие и сложные, а повторения встречались нечасто и были не стопроцентными. Компьютер «Усилителя» потом их проанализирует, но пока что Хейбер не замечал ни одного необычного фактора, кроме самой этой сложности.

Приказав пациенту перестать видеть хрустальный шар и закрыть глаза, доктор почти моментально получил сильный и четкий альфаритм двенадцать герц. Он еще немного попереключал параметры мозга, чтобы собрать данные для компьютера и проверить глубину гипноза, а затем сказал:

— Так, Джон... — (Нет, черт возьми, как его там?) — Джордж. Через минуту вы заснете. Вы крепко заснете и будете видеть сны, но только после того, как я скажу слово «Антверпен». Когда я его произнесу, вы заснете и будете спать до тех пор, пока я трижды не назову ваше имя. Когда заснете, вы будете видеть сон. Хороший сон — яркий, приятный. Совсем не страшный, очень приятный, но очень яркий и живой. Вы обязательно вспомните его, когда проснетесь. Во сне вы увидите... — он ненадолго задумался: заранее он ничего не заготовил, рассчитывал на вдохновение, — коня. Большого гнедого коня, который бежит по полю. Галопом. Может, вы его поймаете или поскачете на нем, может, только будете смотреть. Но сон будет о коне. Яркий, — (как он там говорил?) — действенный сон о коне. Потом вам снится ничего не будет, и, когда я три раза позову вас по имени, вы проснетесь и будете чувствовать себя спокойным и отдохнувшим. Итак, отправляю вас в сон... и говорю... «Антверпен».

Пляшущие кривые на экране стали послушно меняться. Они замедлились и стали четче; вскоре появились «веретена сна» второй стадии и первые признаки длинных высокоамплитудных дельта-волн четвертой стадии. Вместе с ритмами мозга изменения происходили и в грубой материальной оболочке, где обитала эта пляшущая энергия: руки мягко покоились на медленно дышащей груди, лицо стало отрешенным и умиротворенным.

«Усилитель» собрал все необходимые образцы в состоянии бодрствования и теперь записывал и анализировал параметры мозга при медленном сне. Скоро в него начнут поступать сигналы от быстрого сна, и прибор даже во время этого первого опыта сможет усилить их

и направить обратно в мозг, чтобы сделать сновидения еще ярче. Возможно, процесс уже начался. Хейбер думал, что придется подождать, но под действием гипноза пациент, долгое время борющийся со снами, стремительно переходил к фазе с БДГ. Едва наступила вторая стадия, он начал всплывать из глубокого оцепенения. Медленно покачивающиеся линии на экране вздрогнули в нескольких местах раз, другой, начали ускоряться и заплясали в бешеном асинхронном ритме. Стал активным мост, а на графике гиппокампа появились тета-волны частотой пять герц, которые раньше у пациента четко не проявлялись. Пальцы зашевелились; под закрытыми веками задвигались глаза, как будто что-то рассматривая; рот приоткрылся и глубоко втянул воздух. Спящему снился сон.

На часах было 17:06.

В 17:11 Хейбер нажал на «Усилителе» черную кнопку «Выкл.».

В 17:12, заметив, что на ЭЭГ опять появились резкие зубцы и «веретена» медленного сна, он наклонился к пациенту и трижды отчетливо произнес его имя.

Орр вздохнул, широко повел рукой, открыл глаза и проснулся. Хейбер несколькими привычными движениями отсоединил электроды.

— Хорошо себя чувствуете? — В дружелюбном вопросе звучала уверенность.

— Нормально.

— А вы видели сон. Это я знаю точно. Не расскажете, о чем?

— О коне, — сказал Орр хрипловато, еще до конца не проснувшись.

Он сел на кушетке.

— Мне снился конь. Вот этот. — И он показал на изображение, украшающее стену в кабинете доктора. Большая, размером с окно фотография знаменитого скакуна по кличке Таммани-Холл, резвящегося на травянистом выгоне.

— И что он делал? — спросил Хейбер, довольный. Он не был уверен, что суггестия по поводу содержания сна сработает с первой попытки.

— Я... шел по полю. А он сперва был вдалеке. Потом он рванулся и поскакал ко мне, и через некоторое время я понял, что сейчас он меня снесет. Но я совсем не испугался. Я подумал, может, удастся поймать его за уздечку или ухватиться и вскочить ему на спину. Я понимал, что он не может мне навредить, потому что на самом деле это лошадь с вашей картинки, а не настоящая. Это все какая-то

игра... Доктор Хейбер, вас в этой фотографии ничего... ничего не смущает?

— Ну, некоторые считают, что для кабинета психиатра слишком много драматизма, перебор. Секс-символ в натуральную величину прямо напротив кушетки, — засмеялся врач.

— А час назад он тут был? Разве тут не был вид на гору Худ, когда я только зашел... до того, как мне приснилась лошадь?

Боже мой, там действительно раньше была гора Худ, он прав.

Да нет, какая гора, не было никакой горы — лошадь, была лошадь...

Нет, гора...

Была лошадь была лошадь бы...

Он бестолково устался на Джорджа Орра и молчал, хотя вопрос прозвучал уже несколько секунд назад. Нет, нельзя дать сбить себя с толку, надо внушать уверенность, он-то человек, который на любой вопрос знает ответ.

— Джордж, то есть вы помните, что здесь у меня была фотография горы Худ?

— Да, — сказал пациент довольно грустным тоном, но твердо, — помню. Была. Со снегом.

— Гм, — многозначительно кивнул Хейбер.

Ужасный мороз прошел под ложечкой.

— А вы разве не помните?

Ох уж эти глаза — неопределенного цвета, но с ясным и прямым взглядом, глаза помешанного.

— Увы, нет. Это Таммани-Холл, который взял все три золота в восемьдесят девятом. Скучаю по скачкам. Жаль, что из-за наших бед с продовольствием не остается места для низших видов. Конечно, лошадь — это чистый анахронизм, но фотография мне нравится. Тут бодрость, сила — полная самореализация в животном смысле. Это некий идеал, к которому психиатр при работе с людьми стремится в психологическом смысле, определенный символ. Да, наверное, я как раз на него смотрел, поэтому и подсказал вам такой сон...

Хейбер бросил взгляд на стену. Конечно, лошадь.

— Но слушайте, если хотите еще одно мнение, давайте спросим мисс Крауч. Она здесь два года работает.

— Она скажет, тут всегда была лошадь, — спокойно, но печально возразил Орт. — Всегда тут была. После моего сна. Что раньше, что сейчас. Я просто подумал, что, раз вы сами мне предложили такой сон, может, у вас тоже будут двойные воспоминания. Но, видимо, нет.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕРНОВА НЕБА. Роман. <i>Перевод Д. Бузаджи</i>	5
ГЛАЗ ЦАПЛИ. Роман. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	163
ПОРОГ. Роман. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	309
РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ	
Апрель в Париже. <i>Перевод Норы Галь</i>	477
Мастера. <i>Перевод Р. Германа</i>	492
Сундучок темноты. <i>Перевод Т. Чернышевой</i>	511
Девять жизней. <i>Перевод Кира Бульчева</i>	520
Вещи. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	548
Поле зрения. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	559
Те, кто покидают Омелас. <i>Перевод А. Корженевского</i>	580
«Автор „Семян акаций“» и другие выдержки из «Журнала Ассоциации терологвистики». <i>Перевод А. Корженевского</i>	588
Выше звезд. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	596
Лабиринты. <i>Перевод М. Лахути</i>	618
Новая Атлантида. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	623
Дневник Розы. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	653
Иной взгляд. <i>Перевод М. Лахути</i>	678
Тропинки желания. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	691
Рассказ жены. <i>Перевод Т. Чернышевой</i>	723
Забирающая имена. <i>Перевод М. Лахути</i>	727
Бизоны-малышки, идите гулять... <i>Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i> ...	730
Керастион. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	760
Сон Ньютона. <i>Перевод Д. Смушковича</i>	764
Камень, изменивший мир. <i>Перевод Д. Смушковича</i>	789
Браконьер. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	799
Старшие. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	818
Дикарки. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	840
Растерянный рай. <i>Перевод Д. Смушковича</i>	874
Кувшин воды. <i>Перевод М. Лахути</i>	970